

Култ Бушующего Неба представлял собой ряд связанных между собой поместий и сообществ, растущих как сорняки вокруг подножия Каукосо Монс. Подобно Розовой Заре, различные поместья были соединены извилистыми дорожками из камня, вырезанными в самой горе. В её пределах можно было найти пешеходные дорожки, лестницы и даже арочные мосты из камня.

В отличие от Розовой Зари, однако, самые влиятельные члены культа жили в самых низких точках, где гора встречалась с землёй. Младшие посвящённые жили в помещениях выше на горе, в опасной близости от бури. Над культом постоянно витало ощущение злобы и угрозы. Низкие раскаты грома раздавались постоянно. Я чувствовал это своими костями.

Буря, Которая Никогда Не Прекращалась, висела над вершиной Каукосо Монс как погребальная пелена, освещая гору и её различные владения в любое время дня и ночи вспышками цепных молний. Проходя по резным каменным дорожкам и глядя с горы на этот корчащийся памятник небесной ярости, я задумался.

Чем можно назвать сооружение целой человеческой цивилизации на лице такого памятника, если не высокомерием?

— Это никогда не прекращается? — спросил я, хотя ответ был в самом названии. Я не мог оторвать взгляд. За облаками невозможно было ничего разглядеть. Раскаты постоянного грома скорее ощущались, чем слышались, их громкость была приглушена чем-то в самом строении культа. За пределами ворот Культа Бушующего Неба, однако, грохот был оглушительным.

— Как она может? — спросила Анастасия, лишь мельком взглянув на него. — Буря, Которая Никогда Не Прекращается – это памятник человеческой гордыне, невзгода, воплощённая в жизнь. Человечество искушает Судьбы, и гром приходит. Пока существует одно, должно существовать и другое.

Она легко шагала в гору, не обращая внимания на каменные ступени, а прыгая и скача как горная коза. Просто потому, что могла.

— Разбить под ней лагерь – вряд ли можно назвать шагом в правильном направлении, — заметил я. Она оглянулась на меня, взмахнула руками и озорно улыбнулась.

— Верно, твой ученик был прав в одном. Дерзость – это провидение культивации – это то, что заставляет нас подниматься на высоты из слоновой кости. А что может быть более дерзким, чем ковать наши души в свете небесных невзгод?

Архитектура культов великих тайн, как и города, в которых они обитали, казалось, следовали определённой теме. Аликос не зря называли Алым Городом – его мода, архитектура и великие произведения искусства отражали это. Государство-святилище Олимпии было во многом таким же, в разной степени используя кисть цвета индиго.

Электрический синий и багрово-красный цвета в изобилии смешивались в местах, где крыши были покрыты черепицей, а одежды окрашены в королевский пурпурный оттенок. Поместья Бушующего Неба следовали иерархии цвета, который расходился от яркого индиго у основания горы, где жили старейшины и основные посвящённые, переходя в отчётливые синие и красные цвета по мере продвижения вверх, туда, где старшие посвящённые и спортсмены занимались культивированием, работая над фресками на стенах и статуями, вырезанными из столбов. Дальше по горе, где младшие избивали себя до крови день и ночь напролёт, поднимаясь и

спускаясь по каменным ступеням, эти яркие красные и синие цвета соединялись, образуя несовершенные оттенки королевского фиолетового старейшин.

Я провёл кончиками пальцев по каменному рельефу, высеченному в горе рядом с нашей тропинкой: мужчина, возлежащий в винограднике, глубоко пьющий из двух чаш. По одной в каждой руке. Двойные струйки вина, льющиеся в его рот, были венами из беспорядочного фиолетового драгоценного камня, сверкающего в свете вспыхивающих молний. Драгоценный камень, лежащий под открытым небом, несобранный.

— Чем больше я вижу эту культуру, — сказал я, почти про себя, — тем меньше я её понимаю. — Сколько легионеров отдали бы свои жизни на войне за малый кусочек этих фиолетовых вен?

— Неужели Рим так сильно отличается? — спросила Анастасия. Она перепрыгивала с одного выступа камня на другой, преодолевая расстояние более ста футов вертикально по горе. Вместо того чтобы пытаться не отставать, я просто продолжал подниматься по ступеням, пока снова не достиг её.

— У нас были свои проявления излишеств, — признался я, вспоминая дни своего детства, когда всё было прекрасно и ничего не было достаточно. Драгоценные камни, прекрасные шелка и золотые украшения были стандартными продуктами для моей матери и дальних родственников. — Но мы никогда не могли позволить себе делать то, что я видел в свободных городах. Хотелось бы надеяться, что если бы у нас были такие богатства, мы бы не стали тратить их так легкомысленно.

— Вы бы стали, не так ли? — спросила она, спрыгивая вниз и присоединяясь ко мне на ступеньках. Её руки были соединены за спиной, тёмные ониксовые одеяния её культа развевались на штормовом ветру Бури, Которая Никогда Не Прекращалась.

— У нас нет художников и поэтов в таких масштабах как у вас Греков, это я признаю, но я ещё не видел народа, столь же добродетельного как республика. Наши герои – люди войны и поля. Не убийцы монстров, а защитники закона и порядка. Неподвластные никому, кроме Двенадцати Таблиц. Праведные. — Моя правая рука рефлексивно сжалась. — И сильные.

Анастасия задумчиво смотрела на меня: «Признаюсь, я не так много знаю о Римской мифологии».

— Это не так захватывающе как Риастрад или Семь мудрецов, — сказал я, с расфокусированными глазами, пока поднимался по ступенькам. — Рим был основан всего несколько веков назад. Моложе, чем ваш кириос. — И меньше проживший. Я стиснул зубы. — Наши люди – это наши мифы, хитрые генералы и мудрые сенаторы. Один из наших величайших героев был ни больше, ни меньше как человеком, который командовал Легионами, когда он был нам нужен, и возвращался к спокойной жизни на своей ферме, когда он не был.

— Цинциннат был первым диктатором, тем самым, которого обожает каждый Римлянин, — сказал мне Гай, блуждая глазами по песочному столу. Мы были одни, и поэтому он дал волю своему раздражению. Но только на мгновение. — Небеса тоже его обожали. Настолько, что поставили перед ним всех его врагов.

— Если мы прославляем удовлетворение, как мы можем преодолеть границы нашей смертности? — тихо спросила Анастасия. Не прямо возражая мне, но уже ближе.

— Культивирование только делает нас более теми, кто мы есть. — Это было как проклятие, так и молитва. — И не каждая культура идёт по одной и той же тропе в гору. Даже у варваров есть свои собственные пути к провидению.

— Значит, это и есть Римский путь? Культивировать поля, когда вы не культивируете войну?

Я фыркнул вопреки себе: «Мы также любим игры».

Она подтолкнула меня плечом: «Ты приехал в Олимпию не для того, чтобы играть в игры. — Её глаза замерцали, и она сказала, почти печально. — И ты здесь не для того, чтобы заниматься фермерством. Не так ли?»

— Всё, что я собой представляю, — это продукт людей, которые меня наставляли, — сказал я в конце концов, вспоминая солнечные утра в тихих виноградниках, палящие полдни в песочных ямах и на прибое, и холодные, тёмные вечера в командной палатке. Сгорбившись над песочными столами и чернильными диалогами. — Они сделали всё, что могли, с теми материалами, которые им дали, но я не герой. Добрые люди Рима лучше, чем я когда-либо мог надеяться стать.

— Я не думаю, что это правда, — с улыбкой опровергла меня Анастасия. Она сделала это без колебаний. — Но даже если так, я думаю, что хотела бы увидеть этот город своими глазами. Посмотреть, сравнится ли он с моим родным Нкри. Может быть, когда-нибудь ты привезёшь меня туда, — лукаво сказала она.

— Может, когда-нибудь и привезу, — сказал я, усилием воли сдерживая реакцию, которую едва не вызвали её слова.

Она не знала.

Бани в Розовой Заре были произведениями местного величия, в них использовались природные источники в восточной горной цепи Алого Города для создания успокаивающих бассейнов с горячей водой и очищающих парных. По греческим меркам они были минимально украшены, а по меркам среднестатистического Римлянина — совершенно роскошны.

С другой стороны, бани Бушующего Неба были абсурдны по любым меркам.

Баннх павильонов было столько же, сколько поместий на горе, все они были общедоступны для мистиков культа, и, несомненно, кроме них были ещё десятки небольших частных купален. Та, в которую привела меня Анастасия, была помазана алебастром с рубиновыми прожилками, два массивных бассейна были установлены на горе, а не вырезаны в ней. Они были окружены коринфскими колоннами, поддерживающими потолок, который был выкрашен в бордовые и фиолетовые тона, чтобы имитировать ночное небо в предзвездный час.

Алебастровые ванны, в каждой из которых могло поместиться не менее пятидесяти человек, без нужды прикасаться друг к другу, были гладкими и украшены резными линиями и розами, которые, как я понял, представляли звезды на небе в два определённых дня — один бассейн для зимнего равноденствия, а другой — для весеннего.

Их температура регулировалась неестественными способами: один из них был настолько холодным, что на его поверхности плавали тонкие льдинки, а другой — достаточно горячим,

чтобы воздух над ним мерцал и искажался. Это был фактический способ разделения бань по рангу, как я предполагал. При таких экстремальных температурах даже капитаны Гражданского царства с трудом выдерживали более нескольких минут.

Я мог только представить, насколько плохо было в банях у подножия горы.

— Не похоже, что ты особо расслабляешься, — заметила Анастасия, томно повернув голову ко мне. Мы сидели на небольшом расстоянии друг от друга у одного края бассейна, остальная часть ванны была заполнена почти до отказа Софическими культиваторами. Мужчины и женщины купались вместе, обнажённые, как в день своего рождения, толкались и беззаботно переговаривались.

Я воздержался от первого ответа, который пришёл мне в голову, вместо этого сказав: «Дома мы делаем это в обратном порядке».

Анастасия моргнула, с её ресниц при этом движении слетели маленькие кусочки льда: «Горячая ванна, а потом холодная?»

Я кивнул.

— Это варварство.

Я оглядел купальный павильон, обнажённых мужчин и женщин, свободно перемещающихся, и в некоторых случаях и без какого-либо пространства между ними. Я посмотрел на колонны, поддерживающие крышу, каждая из которых была вырезана в форме мужчины или женщины, занятых развратным развлечением.

— Варварство в глазах смотрящего, — сказал я, борясь с усмешкой.

— У нашего пути есть свои преимущества, — объяснила она, вместо того чтобы обидеться. — Медицинские блага, например. Эти воды были собраны из благословенных источников по всему свободному Средиземноморью, и каждая обладает своими уникальными свойствами. Холодный удар по организму с последующим обжигающим жаром оказывает очищающее действие на тело, а духовные свойства воды оказывают аналогичное воздействие на душу.

Этого, по крайней мере, я не мог отрицать. Всё моё тело онемело от холода, и если бы не закалка, которой я подверг его в Легионах, я был уверен, что оно было бы далеко за пределами дискомфорта. Но затяжная, духовная и пронизывающая до костей боль от инфицированных ран на каждом из моих плеч полностью исчезла как только я переступил порог.

— Много ли бань в Риме, Солус? — любопытно спросила Анастасия.

— Прилично, — ответил я, испытывая одновременно боль и радость от того, что говорю о доме в настоящем времени. — Сотни их, каждая — произведение человеческой изобретательности вместо природной удачи, питаемые акведуками, протянувшимися через целые страны и горные хребты. Простые, по сравнению с этим, но прекрасно построенные.

— Я бы удивилась, если бы они были такими же безвкусными как эти, — легкомысленно сказала Анастасия. — Даже бани там где я живу, не такие. Я бы сказала, что они ближе к вашим — надёжно сделаны и удобные. Мы отливаем их из олова и нагреваем в жаре наших пламенных гор.

— А купаетесь вы вместе, так же как и здесь? — спросил я язвительно. Анастасия рассмеялась. Это был приятный звук, гортанный и музыкальный.

— Двойное культивирование имеет свои преимущества, знаешь ли, — лукаво сказала она. Я закатил глаза от отвращения. — Кроме того, я уже сказала тебе, что эти ванны обладают лечебными свойствами, как и все хорошие ванны. Где лучше обмениваться мнениями как не в таком месте, где ваше тело и разум находятся в наилучшем состоянии?

Я посмотрел на пару, сидящую напротив бассейна: мужчину с длинными каштановыми волосами, которые плавали на ледяной поверхности, и молодую женщину с бледной кожей, покрытой татуировками с кружащимися фиолетовыми чернилами. Они шептались друг другу на ухо, женщина сидела на коленях у мужчины, и оба время от времени хихикали.

— Понятно.

— Все ли Римляне так же придирчивы как ты, Солус? — поддразнила Анастасия.

— Все ли солдаты так же изранены как ты, муж?

Я резко встал из ванны.

Горячая ванна показалась мне холоднее, чем ледяная, когда я только ступил в неё, но вскоре это ощущение уступило место почти мучительному жару и приливу покалывания на коже, онемение уступило место теплу. Я резко выдохнул, позволяя ему омыть меня. Воздух наполнил мои лёгкие легче, чем обычно, полнее, и пневма свободно циркулировала по всему телу. Это было не так удовлетворяющее, как прыгать в ледяной бассейн после многочасового потения в горячей ванне, но по-своему приятно.

— Я прошу прощения, — пробормотала Анастасия, проскальзывая рядом со мной. — Я не хотела обидеть. — У неё в руках было две чашки с прохладной водой, и она протянула одну мне. Я машинально взял её, уставившись прямо перед собой, что мне ни как не помогло. Не важно куда я смотрел, я видел разврат, и разврат видел меня. Мерзкое ощущение глаз, блуждающих по моей обнажённой груди, атаковало меня со всех сторон.

— Я женат, — сказал я, не доверяя себе сказать больше.

— Правда? — Анастасия хмыкнула. — Как её зовут?

Я понял, почему я был так спокоен с Анастасией по сравнению с другими. Даже Грифон, который подходил к разговору с ней как к вызову, который нужно преодолеть.

У них были одинаковые схемы в глазах.

— Луна, — сказал я, и в мареве жара бани я мог почти видеть её, сидящую напротив меня. Улыбаясь в этой своей манере.

— Она всё ещё в Риме?

Соль и пепел.

— Да.

— Её потеря, тогда, — размышляла Героиня, смещаясь в воде так, что бы я почувствовал

волны. — У твоего ученика была ещё одна хорошая точка зрения, как бы дерзко он её ни высказывал. Мы, культиваторы, жадные существа. Мы видим что-то, чего хотим, и берём это. Даже если это запрещено для нас. Особенно если это запрещено для нас.

Я посмотрел на неё боковым зрением. Схемы. Схемы и голый интерес.

Совсем не тонко.

— Ты не хочешь меня, — сказал я, потому что у меня никогда не было терпения для интриг. — Не для этого.

Зелёные глаза прищурились, и интерес углубился.

— Не будь так уверен, — легкомысленно сказала она. Она прислонилась спиной к алебастровой раковине обжигающе горячей ванны, её глаза перебегали с одного мистика на другого, пока она осматривала павильон. — Так или иначе, я привела тебя в один из бастионов риторики Культа Бушующего Неба. Видишь ли ты то, что ищешь?

— Нет. — Я знал это с того момента как мы пришли.

— И ты ищешь что-то конкретное? — спросила она. — Может быть, кого-нибудь?

Я раздумывал над тем, чтобы отмахнуться или солгать, но решил, что в конечном итоге это не имеет значения: «Я ищу своего наставника. Он жил в этом городе много лет назад».

— Правда? — удивлённо спросила Анастасия. — Если бы я знала это, я бы не повела тебя в такое место. Старейшины никогда не забираются так высоко в гору, кроме обрядов посвящения.

— Он не был старейшиной, — сказал я, покачав головой. — По крайней мере, я в это не верю. Ваши старейшины — все Герои и Тираны, не так ли?

— Ты хочешь сказать...

— Мой наставник был великим человеком, но он был всего лишь Философом. — Я пожал плечами. Возможно, это было слишком много информации для моего прикрытия, возможно, нет. Скоро я это узнаю.

— Всего лишь Философ, — пробормотала Анастасия тем же тоном, что и Грифон, когда я рассказывал ему о своём отце в другой бане в Алом Городе. — Ну, у Культа Бушующего Неба нет в них недостатка. Я уверена, что он где-то здесь. А если так, то я наверняка смогу его найти. Как его зовут? — спросила она, изящно отпивая из своей чашки.

Я сказал ей.

Героиня поперхнулась.